

Иванов А. А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 221—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-221-236.

Ivanov, A. A. (2019). Foreign “Predation” and Commercial Resources Protection in Far East of Russia (Late 19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 2: 221-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-221-236. (In Russ.).

УДК 94(47).083:630*907.13(571.6)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-221-236

Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.)¹

© **Иванов Андрей Александрович (2019)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, SPIN-code 1560-9171, Researcher ID O-2946-2016, доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

Рассматривается проблема иностранного «хищничества» (браконьерства) на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX веков. Уделяется внимание деятельности российских властей (как местных, так и центральных) по противодействию иностранному браконьерству в дальневосточных водах. Поднимается вопрос о масштабах этого бедствия для экономики региона, а также для местной фауны, ряд представителей которой были поставлены браконьерством на грань существования. Актуальность исследования обусловлена как необходимостью обобщения накопленного историографией материала по данной теме, так и современным положением дел в регионе, для которого проблема иностранного браконьерства по-прежнему остается актуальной. Новизна исследования видится в привлечении новых источников, включая документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, материалы периодической печати рассматриваемой эпохи, стенограммы Государственной думы Российской империи. Доказано, что проблема иностранного браконьерства была одной из насущных для российского Дальнего Востока, и в силу своего размаха наносила ощутимый урон экономике региона. Масштаб проблемы осознавался российскими властями, принявшими целый ряд мер для ее искоренения, но эффективно решить ее так и не удалось. Показано, что главными факторами, ослаблявшими эффективность принятых против браконьер-

1 Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

ства мер, являлась недостаточность людских и материально-технических ресурсов, которыми располагала местная администрация.

Ключевые слова: Дальний Восток; Российская империя; царствование Николая II; экономика; центр и регионы; иностранное браконьерство; хищничество; охрана биоресурсов.

1. Введение

К экономическому освоению Дальнего Востока российские власти приступили лишь во второй половине XIX века. Эта далекая окраина империи стала вовлекаться в экономические процессы страны достаточно поздно и требовала, исходя из географической, климатической и иной специфики, выработки особых подходов к развитию края. Одной из этих особенностей была малая плотность русского населения на Дальнем Востоке, что стало немаловажным фактором при решении целого ряда проблем, как экономических, так и военно-политических, и заставляло правительственные круги постоянно искать пути для укрепления в регионе российского присутствия [Ходяков, 2018, с. 880]. Вплоть до революционных событий 1917 года первоочередное внимание здесь обращалось на вопросы, связанные с развитием русской колонизации, золотопромышленности, созданием транспортной инфраструктуры, лесодобычей, земледелием и традиционными для региона промыслами — рыбным, китобойным, котиковым и пушным. Однако нехватка в регионе населения создавала большие трудности как для обеспечения местной промышленности, сельского и промыслового хозяйства русскими рабочими руками, заставляя обращаться к более дешевому и доступному «желтому труду» [РГИА ДВ, ф. 810, оп. 1, д. 361, л. 2—6 об.; Старовойтова и др., 2018], так и для охраны природных богатств, принадлежавших России, от «хищничества», как тогда называли браконьерство. Борьба с этим злом также имела свою специфику: помимо российских подданных, занимавшихся браконьерством, на Дальнем Востоке в эту преступную деятельность были широко вовлечены иностранцы (китайцы, японцы, американцы, канадцы и англичане). Как отмечал известный исследователь природных богатств и коренных народов Дальнего Востока Н. В. Слюнин (1850—1926), проблема иностранного «хищничества» являлась вопросом «чрезвычайной важности», но в то же время была для властей «очень щекотливой», так как затрагивала международные интересы [Слюнин, 1895, с. 36]. Отдельные сюжеты из истории иностранного браконьерства в дальневосточных водах и противодействия ему российских властей уже затрагивались в работах отечественных историков, как советских [Нарочницкий, 1956, Григорцевич, 1965], так и российских [Алепко, 2002, Гарусова, 2001, Ляпустин 2010, 2014]. Цель данной рабо-

ты — обобщить имеющийся фактический материал по теме и расширить представления о проблеме иностранного браконьерства на Дальнем Востоке России и попытках ее решения в конце XIX — начале XX веков за счет введения в научный оборот новых источников, а также выявить масштаб явления и его влияния на экономику региона.

2. Иностранное браконьерство на Дальнем Востоке и его масштабы

О значении для России промысловых ресурсов края писал в конце XIX века Н. В. Слюнин, специально изучавший морскую фауну региона. «...Изучение местных богатств края представляет одно из главных условий его экономического развития», — отмечал исследователь в 1895 году [Слюнин, 1895, с. 1]. При этом Слюнин вынужден был констатировать, что «ни на Камчатке, ни на Сахалине, ни в окрестностях Владивостока никакого организованного рыбного промысла нет, а есть только несметные рыбные богатства, которые или не эксплуатируются нами, или расхищаются иностранцами...» [Там же, с. 63]. По оценкам Слюнина, правильно организованная эксплуатация природных ресурсов Дальнего Востока сулила империи ощутимые выгоды, но для этого необходимо было положить конец варварскому истреблению рыбы и зверя, грозящему исчезновением целых видов. Так, по данным исследователя, с 1888 по 1891 годы на рынок поступило с «хищнических» шхун до 100 тыс. шкур «морских котов» (морских котиков), из которых 70 % составляли шкуры легких для добычи беременных самок (по оценке военного губернатора Приморской области П. Ф. Унтербергера, браконьерский убой на воде менее поворотливых беременных самок тюленя достигал 90 % [Унтербергер, 1900, с. 14]). Учитывая, что часть тюленей были ранены и ушли в море, где позже многие погибли, ущерб, нанесенный природе, следовало оценивать в еще бо льших цифрах [Слюнин, 1895, с. 31; Унтербергер, 1900, с. 14]. Подобную картину рисовал и П. Ф. Унтербергер, отмечавший, что иностранными браконьерами было добыто в 1892 году до 80 тыс. морских котиков, в 1893 году — до 102 тыс., а в 1894 — до 141 тыс., в то время как российские промысловики добывали около 13 тыс. в год [Унтербергер, 1900, с. 15]. Браконьерство процветало и в отношении других видов дальневосточной фауны — ценных пород лососевых рыб, которых часто варварски выбрасывали, выпотрошив из них икру; морских бобров (каланов), моржей, китов, пушного зверя (песца, соболя), оленей. Массовый характер иностранного «хищничества» подтверждают и современные исследователи. «Английские, американские, японские суда в территориальных водах России вели браконьерский промысел ценных видов морских животных практически вдоль всего тихоо-

кеанского побережья. Не отставали от них и китайские браконьеры, промышлявшие вдоль берегов Приморья» [Ляпустин, 2010, с. 60]. Добычей китайских и корейских браконьеров становились трепанг, морской гребешок, мидии, крабы, осьминоги, промысловые виды рыб, морская капуста; такие млекопитающие, как сивуч, нерпа [Там же, с. 60—61].

Известный камчатский православный миссионер — иеромонах Нестор (Анисимов), — впоследствии ставший митрополитом Кировоградским и Николаевским, выступая в 1911 году с докладом в Русском собрании, сетовал: «Мы спим, а японец и американец строят заводы в устьях сплошь набитых рыбою рек. Они нарушают закон, обездоливают туземцев, хищнически разоряют природные богатства далекой русской земли. Русские промышленники закупили только 3 000 котиковых шкурок, одни американцы доставили их до 20 000 штук... Откуда? Кто знает постановку охраны промыслов — ответит легко. Рубят лес без всякой системы, выбивают пушнину, загораживают реки» [А., 1911, с. 627].

Как свидетельствуют документы, проблема «хищничества» и борьбы с ним была актуальна для Дальнего Востока в ходе всего рассматриваемого периода. В 1893 году в русских водах была арестована британская шхуна «Warlock», оснащенная для добычи морских котиков. «Посылка и заход промысловой шхуны в Петропавловск, по мнению начальника Петропавловского округа, — отмечалось в донесении, — произведена в виде опыта, чтобы выяснить, как отнесутся русские крейсера и местная власть к пробной выходке промысловой шхуны, пришедшей на первый раз без шкурок морских котиков в открытый для иностранных судов российский порт, лежащий вблизи котикового и бобрового лежбищ. В случае благоприятного исхода этого опыта для шхуны, таковая и ей подобные приобрели бы право являться в Петропавловск для пополнения запасов воды и провизии, что дало бы им возможность продолжать свой незаконный промысел до самого позднего времени» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 7, д. 24, л. 1 об.—2]. Чтобы исключить подобное развитие событий, у капитана британской шхуны были отобраны судовые документы и снасти для отсылки их британскому послу. Исполнявший должность военного губернатора Приморской области докладывал в связи с этим инцидентом Приамурскому генерал-губернатору: «Артели промышленников, организованные с целью производства котикового промысла, по характеру такового настоятельно должны быть отнесены к разряду шаек, организованных с преступной целью. Появление таковой в пределах вод империи, по моему мнению, дает полное право применять к ним существующие законы о шайках, так как котиковый промысел нами запрещен и, следовательно, снаряженные для того шхуны не могут быть

нами признаваемы неприкосновенными» [Там же, л. 3—3 об]. По данным Н. В. Слюнина, только за 1893 год были выявлены 34 промысловые шхуны под британскими флагами, добывшие тюленьих шкур не менее чем на 775 000 руб., «а так как, по имеющимся сведениям, между хищническими шхунами большой процент приходится на самок, мех которых лучше и нежнее, а потому и дороже ценится в Лондоне, то доходность этого промысла значительно увеличивается» [Слюнин, 1895, с. 35—36].

Капитан 2-го ранга П. Г. Тигерстедт, описывая ситуацию, сложившуюся в регионе в начале XX века, отмечал: «В 1906 году одно присутствие японцев на берегу уже говорило об их принадлежности к хищникам и принимались соответствующие меры, преимущественно рыбалки предавались огню. Решительные меры, принятые в прошлом году, дали свои результаты, т. к. в этом году, пройдя по берегу, отряд не встретил совершенно присутствия японцев, за исключением разрешенных рыбалок...» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 177]. Но если в береговой рыбной ловле удалось сократить масштабы браконьерства, то иначе обстояло дело с другими промыслами. Сильно страдал от американского браконьерства китобойный промысел. Как отмечает Л. Н. Гарусова, китобойные суда из Новой Англии регулярно стали появляться в российских дальневосточных водах с 1840-х годов, положив начало «откровенному хищничеству американцев на Дальнем Востоке». С 1847 по 1871 годы американские китобои добыли китового жира и уса в северной части Тихого океана на сумму 87,4 млн долларов, в 1865 году в Охотском море занимались браконьерством 65 американских судов. И хотя к концу XIX — началу XX века количество китобойных шхун в дальневосточных морях сократилось, обусловлено это было «не мерами по охране морских промыслов, принятыми Россией, а истреблением морских животных» [Гарусова, 2001, с. 11—12]. «Отсутствие охраны нашего китобойного промысла в Беринговом и Охотском морях, мало того, что нанесло нам за последние 25 лет ущерб в десятки миллионов руб., но и самый промысел не далек от полного уничтожения», — отмечал Унтербергер [Унтербергер, 1900, с. 36]. По мнению Тигерстедта, хищническое уничтожение иностранными промысловиками китов ведет к тому, что «кит предназначен, или вернее, ему предстоит исчезнуть с земли в этом веке в силу усиленной охоты за ним». И далее: «Повсеместная охота за ним загнала его к нам в Тугурский залив, и тут ему не дают покою, — сообщил офицер российского флота. — Американцы на своих шхунах и барках по 7—8 лет не возвращаясь охотятся, передавая добычу судам-сборщикам. Они все время следуют за передвижением китов, беспощадно его (так в тексте. — А. И.) избивая, и недалеко то время, когда исчезнет этот представитель дорогого промысло-

вого животного». Решать проблему Тигерстедт предлагал следующим способом: «В силу закрытости Тугурского залива островами, пожелал бы возможным, а в силу охранения кита — необходимым, объявить Тугурский залив закрытым для иностранцев. Отсутствие же русских китобоев дало бы киту возможность отдохнуть, и Тугурский залив был бы для него заказником» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 179]. Помимо истребления китов, американским браконьерам также ставилось в вину спаивание коренного населения Дальнего Востока контрабандным спиртом, что, наряду с лишением его традиционных промыслов, приводило к обнищанию [Унтербергер, 1900, с. 16]. Указывалось также, что «американские агенты в последние годы неоднократно являлись на Чукотский полуостров и вывозили оттуда оленей, по преимуществу здоровых и сильных маток, каковое обстоятельство грозит опасностью для оленеводства, составляющего основу благосостояния Анадырского края» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 6, д. 124, л. 1—1 об.].

Обращаясь в Министерство внутренних дел, местные власти сетовали на то, что деятельность японских браконьеров фактически поощряется властями Страны восходящего солнца. «Пользуясь выгодным географическим положением своих островов, вдоль берегов которых командорские котики совершают свои периодические передвижения осенью — на юг, весною — обратно на север, — отмечалось в документе, — японские промышленники уже с 90-х годов минувшего столетия стали беспощадно истреблять их на пути следования. Японское правительство в видах поощрения и развития этого выгодного промысла издало 31 марта 1897 года закон о выдаче премий за промыслы в отдаленных морях» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 216]. По данным, приведенным в работе С. С. Григорцевича, в начале XX века промыслом котиков в открытом море занималось около 40 судов, «причем до 1909 г. владельцы этих судов получали правительственную субсидию» [Григорцевич, 1965, с. 454—455].

Нередко дело доходило до вооруженного столкновения с «хищниками». «С каждым годом растет дерзость этих шхун, — писал Слюнин. — В 1891 году шхуна оказала вооруженное сопротивление», а в 1892 году «Командорские острова положительно находились в блокаде» [Слюнин, 1895, с. 31]. Командир лодки «Маньчжур» доносил, что в апреле 1907 года у острова Медный три японские шхуны, подойдя к Бобровому Камню и разогнав орудийными выстрелами береговую стражу, в продолжение двух-трех дней беспрепятственно занимались ловлей каланов [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 189]. Временами противостояние властей с японскими браконьерами заканчивалось перестрелками, в результате чего были погибшие [Там же, л. 274].

3. Борьба с иностранным «хищничеством» и ее эффективность

«Вред, который наносился <...> хищниками промыслам, очевиден, и практические его последствия не заставили себя ждать, — отмечал в 1899 году военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер. — Привал зверя на лежбищах уменьшился в значительной степени. Это побудило с большею настойчивостью охранять береговые лежбища. Увеличили число военных судов, крейсирующих около островов, и начали конфисковать шхуны, которые были уличены в недозволенном промысле в районе вод нашей территории» [Унтербергер, 1900, с. 14]. Одной из таких мер стало переоборудование конфискованного в 1893 году у канадских браконьеров судна в охранную парусно-паровую охранную шхуну «Сторож». По оценке С. Н. Ляпустина, «даже появление одного судна в районе, где осуществлялся незаконный промысел иностранцами, давало положительный результат. Так, например, за короткий срок нахождения у восточных берегов Камчатки летом 1900 года шхуны “Сторож” удалось прекратить незаконный вылов рыбы японцами в российских водах. Только в июле 1900 г. в устье реки Камчатка были арестованы три японских шхуны, занимавшиеся незаконным рыбным промыслом» [Ляпустин, 2010, с. 64]. Ввиду «чрезвычайно полезных результатов, достигнутых работой этой шхуны», планировалось расширить данный опыт, но «средств на это ассигновано не было» [Унтербергер, 1900, с. 35]. А между тем, рассуждал военный губернатор Приморья, если бы увеличить количество таких шхун и «поставить еще по скорострельной пушке, вооружив команду и присвоив таможенный флаг», то шхуны эти могли бы принести много пользы в деле охраны российских вод, поскольку, по сравнению с военными крейсерами, они имели бы явное преимущество в силу большей маневренности и возможности выходить в море, когда крейсера еще опасаются льдов [Там же, с. 35—36]. Охрану российских промыслов осуществляли и суда Сибирской военной флотилии, в составе которой также была конфискованная американская промысловая шхуна «Генриетта», получившая в 1889 году название «Крейсерок» [Ляпустин, 2010, с. 64]. После создания Тихоокеанской эскадры ее корабли также осуществляли охрану российских вод и берегов от иностранного браконьерства. Но после поражения Российской империи в войне с Японией охрану биоресурсов в открытом море стали нести лишь два крейсера, так как большая часть кораблей, осуществлявших охрану ранее, была уничтожена [Там же, с. 65].

Необходимость борьбы с иностранным браконьерством осознавалась российскими властями, но осуществляемые ими охранные меры были недостаточно эффективными. «Охрана китикового промысла, — писал Ун-

тербергер, — ...у нас поставлена также неудовлетворительно. <...> Котиковый промысел падает год от году <...> [и] причину этого упадка приходится исключительно искать в беспощадном истреблении этого зверя иностранными шхунами на пути его движения к лежбищам. <...> Охрана промысла на берегу и в районе вод нашей территории далеко недостаточна...» [Унтербергер, 1900, с. 37—38]. Не произошло перелома в деле охраны российских биоресурсов и в начале XX века. Командир транспорта «Шилка» капитан 2-го ранга С. С. Вяземский (будущий контр-адмирал, погибший на Балтике в годы Первой мировой войны), на которого была возложена охрана берегов Камчатки и материка к северу от нее, в 1907 году отмечал, что «охрана в том виде, в каком она находится в настоящее время, малодействительна, так как одному кораблю нет никакой возможности действительно охранять столь большой район» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 183 об.]. О неэффективности действий охранных судов писал и побывавший в дальневосточном крае корреспондент «Русского слова», по свидетельству которого военный транспорт «Шилка» получил разрешение отправляться на борьбу с браконьерами только в начале августа (боялись льдов), в то время как первый американский китобой появился в бухте Проведения (Анадырский залив Берингова моря) в начале мая; в августе же «хищники-китобой» уже возвращались с добычей в Сан-Франциско. Похожая история была и с канонеркой «Маньчжур», призванной охранять морских котиков, каланов и рыбные промыслы. Но там, где хозяйничали японские браконьеры, «Маньчжур» так и не появился, что позволило «хищникам» беспрепятственно уйти с богатой добычей. Позже, отмечал корреспондент, он прочел во владивостокских газетах «невинную заметку»: «Вернувшиеся из плавания охранные пароходы <...> сообщили, что в этом году хищников не наблюдалось» [Брио, 1909]. Завершая статью, автор заключал: «Позволю себе привести маленькую фактическую справку. В прошлом [1908] году японцы представили на лондонский всемирный пушной аукцион 20 тысяч котиков, русское камчатское торгово-промышленное общество, арендующее Командорские острова, — 3 тысячи. *Котиковых лежбищ в Японии нет*» [Там же].

Для более эффективной охраны, докладывал Вяземский, «следовало бы дать более самостоятельности и прав командирам охранных судов, а не стеснять их так, как напр. в этом году, когда им было объявлено перед уходом в охрану быть возможно осторожнее и чуть ли не предупредительными по отношению японцев, при таких условиях лучше совсем не иметь охраны, так как подобное отношение только поднимает престиж японцев в глазах жителей» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 185]. Помимо бо-

язни обострить международные отношения, сказывалась и элементарная нехватка в людях и их снаряжении. Корреспондент «Русского слова» на Дальнем Востоке писал о ситуации на Чукотском полуострове: «Русская администрация... Она состоит из одного штабс-капитана Калинникова и 4—5 казаков, которые на простых шлюпках гоняются за американскими паровыми шхунами» [Брио, 1909]. В 1908 году в донесении местных властей в Министерство Внутренних Дел отмечалось, что японские браконьерские суда «с каждым годом все настойчивее осаждают берега Командорских островов, и борьба с ними при наличии у охраны островов лишь берданок казачьего образца с раздутыми стволами представляется совершенно невозможной, так как японские хищники по большей части вооружены скорострельными и дальнобойными ружьями, орудиями малого калибра и пулеметами» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 196—196 об.].

Отдавая себе отчет в невозможности обеспечить борьбу с браконьерством на должном уровне, местные власти просили Петербург вооружить охрану островов винтовками драгунского образца, пулеметом и скорострельной пушкой и прислать дополнительные охранные суда. Однако свободных кораблей для нужд Дальнего Востока не оказалось. Раздосадованный отказом Приамурский генерал-губернатор предупреждал центр, что из-за отказа военных дать корабли для защиты русских вод и берегов неизбежен рост «инострannого хищничества» [Там же, л. 1—3, 7]. Командорское уездное полицейское управление, докладывая о нарушениях, просило разрешения «не церемониться с браконьерами» и сообщало, что для успешной борьбы «надо иметь для здешней охраны хорошее оружие, чего в настоящее время нет, и точную инструкцию по преследованию и захвату хищников и действию по ним оружием» [Там же, л. 60—60 об.].

Нередко делались отсылки к иностранному опыту. Издание «Окраины России» обращало внимание властей на опыт соседей, отмечая, что в то время как «на Командорских островах <...> пушной промысел подорван в корне хищнической японской эксплуатацией», «на соседних Прибыловских островах, тщательно охраняемых особыми крейсерами Северо-Американских соединенных Штатов, замечается быстрое размножение зверя» [Хроника, 1909, с. 11]. Это понимали и местные власти, отмечавшие, что на Прибыловых островах американцы на несколько лет запретили всякий убой зверя, «точно так же и с нашей стороны придется принять такие же меры, иначе через известное число лет котиковый промысел будет совершенно уничтожен» [Унтербергер, 1900, с. 15].

Среди мер, принятых российскими властями для охраны дальневосточных промыслов, следует указать на ряд инструкций и законодательных

актов. Регламентация добычи морских биоресурсов осуществлялась «временными правилами», издававшимися в 1880, 1884, 1889, 1894, 1899, 1901, 1911 годах. В 1889 году было принято временное положение, запрещавшее охоту на котиков во время миграции к российским берегам; в 1893 году было принято решение о запрете добычи котиков на расстоянии 10 миль вдоль российского тихоокеанского побережья и 30 миль вокруг Командорских островов и острова Тюлений [Ляпустин, 2010, с. 65].

Поднятый в 1910 году местной властью вопрос об ограничении плавания в российских водах иностранных судов был разрешен учреждением таможенных постов в Петропавловске и на Сахалине, а иностранным судам было велено приходить только в эти два пункта, «что в значительной мере ограничило хищнические браконьерские действия иностранцев, в особенности американцев и японцев» [Дубинина, 2008, с. 256]. В январе 1911 года генерал-губернатор Приамурского края Н. Л. Гондатти издал распоряжение, запрещающее иностранным поданным охотиться в Уссурийской тайге [Ляпустин, 2014, с. 175]. Запрет этот в первую очередь касался китайских браконьеров, грабеж которыми Уссурийской тайги приобрел угрожающие для ее флоры и фауны масштабы (По данным Н.И. Дубининой, ежегодно здесь хищнически промыслило до 50 тыс. выходцев из Китая [Дубинина, 1997, с. 113]).

Летом 1911 года в Вашингтоне состоялась международная конференция, созванная по инициативе России и США, к которой присоединились Япония и Великобритания. Ее итогом стало подписание на 15 лет «котиковой конвенции», полностью запрещавшей охоту на морских котиков и каланов севернее 30° северной широты в морях Беринговом, Охотском и Японском [Григорцевич, 1965, с. 455]. Суда и лица, нарушающие этот запрет, подлежали задержанию в открытом море со стороны властей государств, участвующих в конвенции, но уголовная юрисдикция в отношении нарушителей принадлежала тому государству, поданными которого они являлись. Принятие конвенции, на которой настаивала Россия, привело к значительному увеличению численности котиков.

В инструкции по заведованию пушными промыслами на Командорских островах, утвержденной Главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным (1913), содержались требования выставлять караулы у котиковых лежбищ и бобровых местообитаний, а также арестовывать вместе с экипажем «независимо от его национальности» «хищнические шхуны и шлюпки, производящие охоту на котиков и бобров в пределах трехмильной прибрежной полосы» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229. л. 156]. Промысел морских котиков был полностью запрещен, коли-

чество морских бобров (каланов) предписывалось «назначать к убою весьма осторожно» (на 1913—1914 год был допущен убой не более 80 штук, запрещалась охота на самок с новорожденными детенышами, также повелевалось «строго следить за соблюдением заповедной полосы»). Инструкция указывала на необходимость «восстановить запуски песцов, чтобы годы промысла чередовались с годами запуска» и запретить убой недопесков [Там же, л. 157]. Обсуждавшиеся меры против хищнического истребления зверя встретили одобрение Государственной думы и Государственного совета и 9 июня 1912 года были подписаны императором Николаем II, обретя силу закона. Как отмечал в Государственной думе докладчик комиссии об охоте депутат А. А. Скороходов (Томская губерния), «именно [местные] инородцы высказались за этот запрет на три года (на убой соболя. — *А. И.*), потому что не сами они хищнически выколачивают зверя, а выколачивают зверя пришельцы-хищники. Едва ли в интересах инородцев не сберегать зверя. Раз этот зверь будет выбит там, где он теперь есть, если не запретить сепаратно бить его и в других местностях, то все хищники устремятся туда, и в два-три года выбьют и там зверя так, как они выбили его везде» [ГД—3, стб. 3706].

Закон устанавливал штрафы за убой соболя с нарушениями правил от 15 до 100 руб. за каждого добытого зверя или арест не более месяца, а также полностью запрещал охоту на этого зверя с 1 февраля 1913 года по 15 октября 1916 года, чтобы восстановить его популяцию. По истечении этого срока охота на соболя восстанавливалась с установлением запрета с 1 февраля по 15 октября [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 318—319]. Закон об установлении ограничительных мер по промыслу морских бобров и котиков, принятый 18 марта 1914 года, воспрещал промысел каланов за пределами прибрежной морской полосы в 3 морских мили шириною, а также совершенно запрещал всякий морской котиковый промысел. Иностранным охотникам законом запрещалось пользоваться российскими портами и территориями. За браконьерство устанавливался тюремный срок от двух месяцев до 1 года 4 месяцев с конфискацией добычи и средств охоты [Там же, л. 323 об.]. В 1914 году охрана промысловых видов Дальнего Востока была дополнительно возложена на суда Гидрографической экспедиции Ледовитого океана [Ляпустин, 2014, с. 177]. Однако положить конец иностранному браконьерству эти меры не смогли, недостаток людей и средств для их осуществления не позволил добиться эффективности их исполнения. По справедливому замечанию Н. И. Дубининой, «в распоряжении администрации края находились более чем скромные возможности, не позволявшие не то чтобы создать заслон иностранным хищникам,

но и хотя бы организовать серьезное сопротивление разграблению природных богатств российской земли. <...> Разве мог стать настоящим стражем тайги лесничий с четырьмя своими помощниками лесниками, если он имел в своем владении от десяти до двадцати миллионов десятин леса? Что мог сделать один начальник Удского уезда, район которого охватывал значительную часть побережья Охотского моря, все нижнее течение Амура и всю северо-восточную часть Уссурийского края? Что могли сделать два маленьких “крейсера надзора” по охране берегов Великого Океана от Владивостока до пролива Дежнева? Эпизодические экспедиции военных отрядов в тайгу тоже не могли обезопасить ее от разграбления» [Дубинина, 1997, с. 114—115].

В годы Первой мировой войны, как видно из документов, иностранное браконьерство (прежде всего, японское) продолжалось, сопровождаясь порой откровенным разбоем. Как докладывал в 1915 году исполняющий должность ревизора транспорта «Тобол», «...японцы, не довольствуясь своим хищническим уловом, после окончания хода рыбы насильственным путем отбирают у коряков их улов, необходимый для заготовления запаса на зиму, при этом бьют коряков, нанося подчас им тяжкие побои» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 7, д. 100, л. 105]. Очевидно, что Первая мировая война не способствовала усилению контроля над российскими водами и территориями, так как ресурсов и возможностей для этого стало еще меньше.

4. Заключение

Приведенные факты и цифры наглядно показывают, что проблема иностранного браконьерства была одной из насущных для российского Дальнего Востока и в силу своего размаха наносила ощутимый урон экономике региона. Бесконтрольное истребление биоресурсов, как сказали бы сегодня, не только наносило вред российской казне, но и поставило на грань уничтожения целый ряд представителей местной фауны. Масштаб проблемы осознавался как местной администрацией, так и имперскими властями, что приводило к выработке инструкций, правил и законов, призванных положить конец иностранному хищничеству. Однако принятые российскими властями меры, хотя и заметно улучшили ситуацию к 1910-м годам, оказались недостаточными для полного искоренения иностранного браконьерства в дальневосточном крае. Главными факторами, ослаблявшими эффективность принятых против «хищничества» мер, являлись нехватка российского населения на Дальнем Востоке (а значит, и ресурсов местной администрации), а также постоянный недостаток материальных и технических средств. Техническая оснащенность иностранных браконьеров

часто заметно превосходила материально-техническую базу, которой располагали российские власти на Дальнем Востоке, что часто делало «хищников» малоуязвимыми и оставляло безнаказанными.

Источники и принятые сокращения

1. А. В Русском собрании... / А. // Окраины России. — 12 ноября 1911. — № 46. — С. 627.
2. ГД—3 — *Государственная дума*. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 5. Ч. I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1911. — 3829 стб.
3. *Брио Н.* Наши дальневосточные богатства и их охрана (От нашего специального корреспондента) / Н. Брио // Русское слово. — 18 октября 1909.
4. РГИА ДВ — *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока*.
Ф. 810. Оп. 1. Д. 361. Л. 2—6 об.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 177.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 179.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 183 об.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 189.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 216.
Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 318—319.
Ф. 702. Оп. 6. Д. 124. Л. 1—1 об.
Ф. 702. Оп. 7. Д. 24. Л. 1 об.—2.
Ф. 702. Оп. 7. Д. 100. Л. 105.
5. *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов : отчет за 1892—1893 гг. (по поручению Министерства государственных имуществ) / Н. В. Слюнин. — Санкт-Петербург : Типография В. Киришбаума, 1895. — 117 с.
6. *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856—1898 гг. Очерк / П. Ф. Унтербергер. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киришбаума, 1900. — 326 с.
7. *Хроника* // Окраины России. — 3 января 1909. — № 1. — С. 11.

Литература

1. *Алепо А. В.* Иностранное экономическое проникновение в Дальневосточный регион в 1905—1913 гг. / А. В. Алепо // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) : сборник научных трудов. — Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2002. — Вып. 3. — С. 4—15.
2. *Гарусова Л. Н.* Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке : история и современность / Л. Н. Гарусова. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2001. — 178 с.
3. *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. / С. С. Григорцевич. — Томск : Издательство Томского университета, 1965. — 602 с.

4. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гондатти / Н. И. Дубинина. — Хабаровск : Приамурское географическое общество, 1997. — 208 с.

5. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер. Документально-историческое исследование / Н. И. Дубинина. — Хабаровск : Приамурское географическое общество ; РИОТИП, 2008. — 400 с.

6. Ляпустин С. Н. Исторический опыт деятельности региональных властей в борьбе с иностранным хищничеством и контрабандой биоресурсов в начале XX в. (на примере приамурского генерал-губернаторства) / С. Н. Ляпустин // Сборник трудов студентов и преподавателей. К 20-летию Владивостокского филиала Российской таможенной академии / под ред. В. И. Дьякова. — Владивосток : Владивостокский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», 2014. — С. 171—178.

7. Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда морских биоресурсов в конце XIX — начале XX века / С. Н. Ляпустин // Вестник Российской таможенной академии. — 2010. — № 3. — С. 60—68.

8. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895) / А. Л. Нарочницкий. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. — 899 с.

9. Старовойтова Е. О. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX—XX вв. / Е. О. Старовойтова, Д. Г. Янченко // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2018. — Т. 8. — № 6 (45). — С. 720—733.

10. Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты / М. В. Ходяков // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 880—897.

Foreign “Predation” and Commercial Resources Protection in Far East of Russia (Late 19th — Early 20th Centuries)¹

© **Ivanov Andrey Aleksandrovich (2019)**, orcid.org/0000-0001-6438-5200, SPIN-code 1560-9171, Researcher ID O-2946-2016, Doctor of History, associate professor, Department of Newest History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), andrey.a.ivanov@spbu.ru.

The problem of foreign “predation” (poaching) in the Far East of Russia in the late 19th — early 20th centuries is considered. Attention is paid to the activities of the Russian authorities (both local and central) to counter foreign poaching in the Far Eastern waters. The question is raised about the scale of this disaster for the economy of the region, as well as for the local fauna, a number of representatives of which were poached to the

1 This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

brink of existence. The relevance of the study is due to the need to summarize the material accumulated by historiography on this topic, and the current state of affairs in the region, for which the problem of foreign poaching is still relevant. The novelty of the research is seen in the attraction of new sources, including documents of the Russian State Historical Archive of the Far East, materials of the periodical press of the considered era, stenograms of the State Duma of the Russian Empire. It is proved that the problem of foreign poaching was one of the most urgent for the Russian Far East, and because of its scope caused significant damage to the economy of the region. The scale of the problem was recognized by the Russian authorities, who took a number of measures to eliminate it, but it was not effectively solved. It is shown that the main factors that weakened the effectiveness of the measures taken against poaching were the lack of human and material resources available to the local administration.

Key words: Far East; Russian Empire; reign of Nicholas II; economy; center and regions; foreign poaching; predation; protection of biological resources.

Material resources

- A. (1911). V Russkom sobranii... *Okrainy Rossii* 46: 627. (In Russ.).
- Brio, N. (1909). Nashi dalnevostochnyye bogatstva i ikh okhrana (Ot nashego spetsialnogo korrespondenta). In: *Russkoe slovo*. (In Russ.).
- GD—3 (1911). *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. Sozyv III. Sessiya 5, I. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya*. (In Russ.).
- Khronika (1909). In: *Okrainy Rossii*, 1: 11. (In Russ.).
- RGIA DV — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dalnego Vostoka*. (In Russ.).
- Slyunin, N. V. (1895). *Promyslovyye bogatstva Kamchatki, Sakhalina i Komandorskikh ostrovov: otchet za 1892—1893 gg. (po porucheniyu Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv)*. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (In Russ.).
- Unterberger, P. F. (1900). *Primorskaya oblast'. 1856—1898 gg. Ocherk*. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma. (In Russ.).

References

- Alepko, A. V. (2002). Inostrannoye ekonomicheskoye proniknoveniye v Dalnevostochnyy region v 1905—1913 gg. In: *Iz istorii grazhdanskoy voyny na Dalnem Vostoke (1918—1922 gg.): sbornik nauchnykh trudov*, 3. Khabarovsk: Khabarovskiy krayevoy krayevedcheskiy muzey im. N. I. Grodekova. 4—15. (In Russ.).
- Garusova, L. N. (2001). *Rossiysko-amerikanskiye regionalnyye otnosheniya na Dalnem Vostoke: istoriya i sovremennost'*. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta. (In Russ.).
- Grigortsevich, S. S. (1965). *Dalnevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906—1917 gg*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (In Russ.).
- Dubinina, N. I. (1997). *Priamurskiy general-gubernator N. I. Gondatti*. Khabarovsk: Priamurskoye geograficheskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Dubinina, N. I. (2008). *Priamurskiy general-gubernator P. F. Unterberger: Dokumental'no-istoricheskoye issledovaniye*. Khabarovsk: Priamurskoye geograficheskoye obshchestvo; RIOTIP. (In Russ.).

- Khodjakov, M. V. (2018). “Yellow Russia” of the late XIX — early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite. *Modern History of Russia*, 8 (4): 880—897. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.406. (In Russ.).
- Lyapustin, S. N. (2010). Khishchnicheskiy promysel i kontrabanda morskikh bioresursov v kontse XIX — nachale XX veka. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, 3: 60—68. (In Russ.).
- Lyapustin, S. N. (2014). Istoricheskiy opyt deyatel'nosti regionalnykh vlastey v borbe s inostrannym khishchnichestvom i kontrabandoy bioresursov v nachale XX v. (na primere priamurskogo general-gubernatorstva). In: Dyakov, V. I. (ed.) *Sbornik trudov studentov i prepodavateley. K 20-letiyu Vladivostokskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. Vladivostok: Vladivostokskiy filial gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Rossiyskaya tamozhennaya akademiya». 171—178. (In Russ.).
- Narochnitskiy, A. L. (1956). *Kolonialnaya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke (1860—1895)*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Starovoytova, E. O., Yanchenko, D. G. (2018). Rol' kitayskikh pereselentsev v ekonomicheskom osvoyenii Dal'nego Vostoka Rossii na rubezhe XIX—XX vv. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy*, 8 (6 / 45): 720—733. (In Russ.).